

DOI: 10.34020/2073-6495-2020-2-071-085

УДК 330.59

**РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПОВ СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ
В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ (НА ПРИМЕРЕ
НАЦИОНАЛЬНОГО ПРОЕКТА «ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ»)¹****Гретченко А.И.**

Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова,
Финансовый университет при Правительстве РФ
E-mail: gai51@list.ru

Каверина Н.А.

Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова
E-mail: kaverna@list.ru

В статье рассматриваются принципы социальной справедливости во времени и пространстве. Акцент делается на трансформации понимания социальной справедливости в социальной политике России. В настоящее время принцип социальной справедливости реализуется государством в программах по сохранению и развитию человеческого капитала. Национальный проект «Человеческий капитал» сфокусирован на повышении уровня и качества жизни граждан, доступности материального и социального капитала, создании возможностей для самореализации и раскрытия таланта каждого человека, развитии системы социальных лифтов. Авторы проводят анализ изменения представления о социальной справедливости в России на протяжении длительного времени. Отмечается, что в начале советского периода понятие «социальная справедливость» практически не использовалось. Термин «справедливость» появился в Большой советской энциклопедии только в 1953 г., который в настоящее время является одним из самых востребованных в государственной политике. Соединяя экономику с политикой, социальная политика определяет направления основных политических сил и течений в Российской Федерации.

Ключевые слова: социальная справедливость, социальная политика, человеческий капитал, национальные проекты, социальное государство.

**IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLES OF SOCIAL JUSTICE
IN MODERN SOCIAL POLICY (ON THE EXAMPLE
OF THE NATIONAL PROJECT «HUMAN CAPITAL»)****Gretchenko A.I.**

Plekhanov Russian University of Economics,
Financial University under the Government of the Russian Federation
E-mail: gai51@list.ru

Kaverina N.A.

Plekhanov Russian University of Economics
E-mail: kaverna@list.ru

¹ Статья подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 8-010-00534 «Разработка методологии, алгоритма и методики прогнозирования потребностей цифровой экономики России в квалифицированных кадрах в профессионально-квалификационном разрезе».

The article discusses the principles of social justice in time and space. The emphasis is on transforming the understanding of social justice in Russia's social policy. Currently, the principle of social justice is implemented by the state in programs for the preservation and development of human capital. The national project «Human Capital» is focused on improving the level and quality of life of citizens, the accessibility of material and social capital, creating opportunities for self-realization and disclosing the talent of each person, and developing a system of social elevators. The authors analyze the change in perception of social justice in Russia for a long time. It is noted that at the beginning of the Soviet period the concept of «social justice» was practically not used. The term «justice» appeared in the Great Soviet Encyclopedia only in 1953, which is currently one of the most popular in public policy. Combining the economy with politics, social policy determines the direction of the main political forces and trends in the Russian Federation.

Keywords: social justice, social policy, human capital, national projects, social state.

Понятие «социальная справедливость» всегда было предметом активного обсуждения в российском обществе. Считается, что это традиционная русская ценность. В течение многих веков она определяла нравственные нормы социального устройства российского общества. Социальная справедливость и сегодня является метареальностью российской современной жизни.

Представления о социальной справедливости менялись во времени. Уже Платон в диалоге «Государство» дает следующую характеристику понятию «справедливость»:

- 1) общественная ценность,
- 2) вариативность представления о справедливости в разных социальных группах,
- 3) зависимость понимания справедливости от социального статуса индивида в обществе,
- 4) понимание справедливости согласовано с традицией, интересами элит [21].

В классический период социологии считалось, что основой социального порядка являются нравственные нормы в обществе, которые неразрывно связаны с представлениями о справедливом обществе. Во второй половине XX в. американский философ Дж. Ролз в книге «Теория о социальной справедливости» сводит понимание справедливости к гражданским свободам и равенству возможностей в обществе. Наш современник, лауреат премии по экономике памяти А. Нобеля 1998 г. «за вклад в экономическую теорию благосостояния» А. Сен дает прикладное понимание справедливости. По мнению ученого, стремление к справедливости порождает действия, направленные на улучшения положения индивидов и целых социальных групп. Данная концепция стала основой для так называемого «Capability Approach» – подхода, основанного на возможностях индивидов, и является весьма влиятельной в настоящее время. Таким образом, возникнув сначала как морально-правовая категория, понятие «справедливость» постепенно приобрело общественно-политическое значение, а сегодня стало еще мерилем качества жизни граждан [15].

В России на протяжении XX в. также существенно изменились представления о социальной справедливости. В начале советского периода понятие

«социальная справедливость» практически не использовалось (термин «справедливость» появился в Большой советской энциклопедии только в 1953 г.). Марксистские идеи о бесклассовом обществе определили официальное представление о социальной справедливости в СССР. Понимание социальной справедливости основывалось на отмене классовых неравенств и должном распределении благ: «от каждого – по способностям, каждому – по труду».

Этот принцип социальной справедливости стал приоритетным во время хрущевских реформ (1956–1964 гг.). В результате система социального обеспечения стала одной из лучших в мире в отношении равенства доступа и объема услуг. К достижениям советской социальной политики прежде всего относились выравнивание шансов на получение образования, универсальность и доступность медицинских услуг. Но уровень жизни людей в СССР был невысоким: низкие зарплаты и необеспеченность людей нормальным жильем.

С 1980-х гг. понятие «социальная справедливость» приобретает экономическое значение. Несовершенные механизмы распределения в начислениях заработной платы и премий по формальным признакам, уравниловка в оплате труда и т.п. стали дискредитировать представления о социальной справедливости в обществе. При этом равенство и унификация в получении социальных благ сомнению не подвергались.

В период перестройки уравнильный принцип в распределении социальных благ стал трактоваться как источник социальной несправедливости и социальной напряженности. На фоне социально-экономических изменений, произошедших в конце 1980-х гг. (внедрение хозрасчета, кооперативов, платных услуг) и начале 1990-х (дефицит товаров, экономический кризис), произошла и смена в понимании социальной справедливости. Она стала индивидуалистической ценностью, определяющейся экономическим положением субъекта. Появилась новая концепция социальной справедливости и социальной политики, которая начала реализовываться в 1990-х гг.

Российские реформы 1990-х гг. совпали с мировой тенденцией по сворачиванию идеи социального государства. Поэтому понимание социального государства, легшее в основу Конституции 1993 г., было сформулировано под влиянием именно этой тенденции, а направление самих реформ было встроено в глобальный неолиберальный тренд. При этом социал-демократическая модель, основы которой уже были сформированы в СССР, была отвергнута. «Социальные расходы, как неэффективные и порождающие иждивенчество, рассматривались как бремя для экономики; социальное равенство ушло на задний план, а дифференциация стала важным критерием справедливости» [15]. В результате в 1990-е гг. была проведена масштабная «шоковая» реформа во всех сферах социальной защиты.

Об отрицательных последствиях этой реструктуризации и провалах радикальных либеральных реформ в целом написано немало критических публикаций. Среди этих работ особое место занимают монографии известного экономиста, директора Института экономики РАН Р.С. Гринберга [13, 14]. В частности, ученый объясняет отрицательные последствия экономических реформ в России пренебрежением проблематикой социальной справедливости.

В монографии «В поисках равновесия» автор размышляет по поводу диалектики свободы и справедливости в связи с реальным соотношением в социальной сфере интересов индивида и общества, в экономической сфере – деятельности рынка и государства, в политической – авторитаризма и демократии, в нравственно-психологической – гуманизма и аномии. Ценности равенства, свободы и справедливости, по мнению Гринберга, образуют как бы три вершины треугольника, лежащего в основе социального государства. Автор подчеркивает, что Россия за последнее столетие соблазнилась и тем, и другим. В 1917 г. она безоговорочно стала внедрять справедливость, и при советской власти равенство как синоним справедливости было достигнуто. Но свободой пожертвовали, поэтому эксперимент провалился. В 1992 г. бросились в другую крайность: по новой теоретической модели перешли к полному неравенству. Начали внедрять свободу, полностью проигнорировав справедливость, и вновь неудача – авторитарное государство с неэффективной, неконкурентоспособной экономикой, с беспрецедентной в российской истории пропастью между богатыми и бедными.

Всероссийский опрос населения показал, что «самым распространенным по частоте его переживания является чувство несправедливости всего происходящего вокруг. Это чувство свидетельствует о нелегитимности в глазах россиян самого миропорядка, сложившегося за прошедшие 20 лет в России. Массовые опросы в авторитарных государствах имеют свою специфику, тем не менее исследование показало, что это чувство периодически испытывают свыше 90 % россиян, при этом 48 % испытывают его часто, а 77 % испытывают чувство стыда за нынешнее состояние своей страны». Опрос показал «устойчивое неприятие россиянами нынешнего жизненного уклада, который они считают не только несправедливым, но и позорным» [5, 6, 16].

Результатом радикальных либеральных реформ в социальной политике стала негативная динамика по показателям развития человеческого потенциала: ухудшение состояния здоровья россиян, низкая продолжительность жизни, осложнение демографической ситуации. Не случайно в 2000 г. наметился некоторый отход от неолиберализма – российское правительство взяло курс на «субсидиарное социальное государство», приоритетным направлением которого провозглашалось сохранение человеческого капитала.

Понятие «человеческий капитал» с 2008 г. в России стало рассматриваться как стратегический фактор экономического развития. Социальная справедливость начинает трактоваться как ценность, которая выражает системную реализацию возможностей и прав граждан в их саморазвитии и самовыражении. Современное представление о социальной справедливости предполагает в обществе прозрачность и удобство правовой системы, доступность материального и социального капитала, развитую систему социальных лифтов. Таким образом, в настоящее время концепция социальной справедливости реализуется государством в программах по сохранению и развитию человеческого капитала.

Возникнув в 1960-х гг., классическая теория человеческого капитала (ЧК) призвана была определить роль человека как ключевого фактора производства в эпоху позднеиндустриального развития. Представители

неоклассической экономической школы – нобелевский лауреат Г. Беккер, Т. Шульц и Я. Минсер – разработали нечто большее, чем просто теорию ЧК. «Ими была предложена целая исследовательская программа, научно обосновывающая инвестиции в человека. Совершив мировоззренческий сдвиг в понимании проблемы устойчивого развития, эта парадигма мышления до сих пор остается одной из самых продуктивных не только в современной экономической науке, но и в области государственной политики» [2].

К инвестициям в ЧК эти ученые относили любые вложения в человека, направленные на улучшение способностей и на повышение его экономических возможностей. Г. Беккер, Т. Шульц и Я. Минсер относили к основным индикаторам ЧК:

- 1) расходы на медицину, здоровье и питание – все, что продлевает продолжительность жизни человека;
- 2) повышение квалификации на рабочем месте – формы ученичества и обучения на рабочем месте;
- 3) систему образования разных ступеней;
- 4) дополнительные образовательные программы для взрослых, которые организованы не работодателем.

Стоит отметить, что уже Т. Шульц показал, что вложения в медицину, здоровье и еду являются главными для развивающихся стран и менее важными для развитых стран, в то время как для последних первостепенную важность имели (прежде всего в 1960–1970-х гг.) инвестиции именно в образование [2]. Следовательно, первоначально теория ЧК все же была сконцентрирована на инвестициях в образование.

Уже к концу XX в. стало очевидным, чтобы ЧК общества «заработал» на благо государства, необходимо изменить взгляд на системы образования и здравоохранения, а главное – сократить неравенство жизненных шансов в этих сферах для людей из разных слоев населения. «Стало очевидно, что страны, пережившие или переживающие трансформационные процессы, нуждаются в новой концепции ЧК, которая стала бы эффективным инструментом активных социально-экономических преобразований, особенно в условиях провалов рынков и государства» [2].

В настоящее время в социальной политике человеческий капитал трактуют как «способности, знания, умения, компетентность, физическое и духовное здоровье субъектов трудовой деятельности, дающие им возможность самореализации в профессиональной сфере и обеспечения достойного уровня благосостояния». В настоящее время понятие «человеческий капитал» часто заменяется на более широкое понятие «человеческий потенциал». Эта трактовка шире классического понимания человеческого капитала, поскольку предусматривает также учет ценностных ориентаций, мировоззренческих и поведенческих особенностей индивидов, влияющих на его эффективность как работника. Обосновывая понятие «человеческий потенциал» как социально-экономическую категорию, академик Т.И. Заславская и другие российские ученые-экономисты отмечают, что человеческий потенциал общества – это готовность и способность национальной общности к активному саморазвитию, своевременному и адекватному ответу на множественные вопросы внешней среды и усиленной конкуренции с другими обществами [11, 12, 17].

Современные исследования в области ЧК доказывают, что для создания качественного ЧК нации, способного на технологический прорыв, целесообразно всесторонне инвестировать в человека. То есть проблемы экономического развития и технологической несостоятельности страны упираются в вопрос формирования человеческого потенциала трудового населения. Сегодня конкурентные преимущества российской экономики и ее модернизация напрямую связаны с накоплением и реализацией ЧК. Человеческий потенциал России, ее высокообразованная рабочая сила – это ценный ресурс в постиндустриальную эпоху. Более того, инновационное развитие современного общества невозможно без увеличения интеллектуального капитала. Таким образом, человеческий капитал становится главным фактором инновационного развития общества. Поэтому понятие «человеческий капитал» становится определяющим в государственной политике, особенно в социальной.

Социальную политику постсоветского периода принято подразделять на три периода:

- 1) социальная политика выживания (1990-е гг.),
- 2) социальная политика наращивания ресурсной базы (2000-е гг.),
- 3) социальная политика по сохранению и наращиванию человеческого капитала (с 2008 г. по настоящее время).

Теоретическую и правовую основу социальной политики в России, направленной на развитие человеческого капитала, составляют положения статьи 7 Конституции Российской Федерации, в которой записано, что Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека [30].

Термин «социальная политика» является в настоящее время одним из самых востребованных в государственной политике. Соединяя экономику с политикой, социальная политика определяет направления основных политических сил и течений. Подавляющее большинство исследователей трактуют социальную политику как «деятельность по управлению социальной сферой – одну из сфер и одно из направлений деятельности государства» [1, 3, 4, 23, 24, 26, 27]. В то же время появляются новые подходы к трактовке ее основных принципов, понятий, которые подробно раскрываются в ряде публикаций отечественных авторов [7, 11, 22]. Новое понимание социальной политики формируется, с одной стороны, под воздействием глобальных вызовов, с другой – под влиянием корпоративной социальной ответственности и устойчивого развития. Социальная политика сегодня должна быть сконцентрирована не столько на росте уровня жизни, сколько на повышении ее качества, достижении социальной устойчивости человека, активизации его творческих способностей, накоплении человеческого капитала.

В Послании Президента Российской Федерации Федеральному собранию Российской Федерации от 1 декабря 2016 г. отмечено, что «смысл всей нашей политики – это сбережение людей, умножение человеческого капитала как главного богатства России. Поэтому наши усилия направлены на поддержку традиционных ценностей и семьи, на демографические программы, улучшение экологии, здоровья людей, развитие образования и культуры» [32].

В настоящее время социальная политика из «прицепного вагона» экономической политики стала ее «локомотивом». Прежде всего, это выражается в запуске национальных проектов, включающих 12 стратегических направлений.

Человеческий капитал:

- здравоохранение (1 января 2019 г.– 31 декабря 2024 г.),
- образование (1 января 2019 г.– 31 декабря 2024 г.),
- демография (1 января 2019 г.– 31 декабря 2024 г.),
- культура (1 января 2019 г.– 31 декабря 2024 г.);

комфортная среда для жизни:

- безопасные и качественные автомобильные дороги (3 декабря 2018 г.– 31 декабря 2024 г.),
- жилье и городская среда (1 октября 2018 г.– 31 декабря 2024 г.),
- экология (1 октября 2018 г.– 31 декабря 2024 г.);

экономический рост:

- наука (1 октября 2018 г.– 31 декабря 2024 г.),
- малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы (15 октября 2018 г.– 31 декабря 2024 г.),
- цифровая экономика (1 октября 2018 г.– 31 декабря 2024 г.),
- производительность труда и поддержка занятости (1 октября 2018 г.– 31 декабря 2024 г.),
- международная кооперация и экспорт (1 октября 2018 г.– 31 декабря 2024 г.).

Все эти национальные проекты стали основными инструментами социальной политики. Первый из них – национальный проект «Человеческий капитал», включающий четыре стратегических направления «Здравоохранение», «Образование», «Демография», «Культура», сфокусирован на повышении уровня и качества жизни граждан, доступности материального и социального капитала, создании возможностей для самореализации и раскрытия таланта каждого человека, развитии системы социальных лифтов, увеличении численности населения страны.

Размер и структура накопленного человеческого капитала в значительной степени определяются численностью и составом населения, а их изменение – демографическими процессами. По предварительной оценке Росстата, численность постоянного населения Российской Федерации на 1 января 2019 г. составила 146,8 млн чел. За последние девять лет население выросло на 5,6 млн чел., в том числе на 4,1 млн чел. за счет присоединения Крыма, но в 2018 г. отмечено его сокращение. Причины сокращения численности населения:

- резкое (в 1,5 раза – с 136 тыс. чел. в 2017 г. до 216 тыс. чел. в 2018 г.) увеличение естественной убыли населения,
- резкое (в 1,6 раза – с 212 тыс. до 125 тыс.) уменьшение миграционного прироста по сравнению с 2017 г. [33].

Показатели демографических целей национального развития конкретизированы в национальных проектах «Демография» и «Здравоохранение». Согласно этим целям, к 2024 г. суммарный коэффициент рождаемости должен быть равен 1,7, а ожидаемая продолжительность жизни при рождении для обоих полов – 78 лет. Это соответствует показателям высокого

(оптимистического) варианта прогноза Росстата. Однако, как показывают расчеты, рост населения не будет достигнут без миграции. Для реализации этой цели необходим среднегодовой миграционный прирост не менее 240 тыс. человек за 2019–2024 гг.

С точки зрения внутренней миграции ситуация в России не сильно отличается от стран с сопоставимым и более высоким уровнем социально-экономического развития. Население России в результате внутренней миграции перераспределяется из восточных регионов страны в западные. В пределах Европейской части отток идет из регионов Приволжья, Северного Кавказа и Европейского Севера. Население концентрируется в Москве, Санкт-Петербурге, Краснодарском крае. За пределами крупных городов и агломераций население в результате миграции сокращается на 0,5 млн в год, даже в староосвоенной части страны огромные по площади территории имеют плотность населения менее 10 человек на 1 кв. км.

Внутрироссийская миграция порождает ряд проблем, среди которых:

– концентрация населения в мегаполисах,

– обезлюдение российской провинции, особенно остро проявляющееся в восточных регионах страны.

В то же время постоянно возникают предложения по содействию пространственной мобильности, направленной в «нужные» регионы и территории, при этом обеспечивая приоритетное развитие крупногородских агломераций.

Сегодня для решения за счет миграции задач по освоению и «реосвоению» малозаселенных территорий, в том числе в геополитически важных регионах, нет населения. Даже в староосвоенных территориях России постепенно пустеет внутрорегиональная периферия, в наиболее депопулирующих территориях провинции убыль составляет около 1 % в год, население ускоренно стареет. Значительного резерва миграции нет ни в сельской местности, ни в малых городах: до 70–80 % молодежи, заканчивающей школы, уезжает на учебу в крупные города, люди средних возрастов активно вовлекаются во временную миграцию.

Использование концепции ЧК оказывается эффективным инструментом оценки внутренних диспропорций развития регионов Российской Федерации. Современные исследования показывают, что человеческий капитал даже в узкой его трактовке (понимаемый как накопленное количество лет обучения) является ключевым фактором, определяющим различия в развитии регионов.

Национальный проект «Образование», являющийся частью проекта «Человеческий капитал», в настоящее время является самым обсуждаемым. Это обусловлено тем, что политика в сфере образования является ключевым инструментом в формировании и развитии национального человеческого потенциала.

В 2017 г. Россия занимала 4-е место в мире по показателю объема человеческого капитала, измеряемого по охвату населения разными уровнями образования. При этом Россия на 42-м месте в мире по параметрам реального использования навыков в трудовой деятельности [29]. Эти факты говорят о слабости реального влияния формально высокого уровня образования населения на экономический рост и социальные процессы. Колос-

сальный человеческий потенциал, создаваемый системой образования, не конвертируется в благополучие народа и качество жизни, не превращается в человеческий капитал. Система образования дает определенные навыки, знания и установки, но они не приносят результата, либо потому что оказываются недостаточно высокого «качества», либо потому что не отвечают требованиям времени.

Такие федеральные проекты национального проекта «Образование», как «Современная школа», «Учитель будущего», «Экспорт образования», «Новые возможности для каждого», «Молодые профессионалы» (повышение конкурентоспособности профессионального образования), «Цифровая образовательная среда», направлены на решение указанных проблем. В проектах прописаны меры по разработке и внедрению современной концепции преподавания предметной области «Технология» в школе, по оснащению образовательной среды всех уровней высокоскоростным доступом в Интернет и современным оборудованием. Предусмотрены обновление государственных стандартов с учетом задачи развития гибких компетенций в общем образовании, а также новые требования к специалистам среднего звена в соответствии с современными стандартами, в том числе стандартами «Ворлдскиллс Россия». Предусмотрена и поддержка университетов в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров.

Согласно финансово-экономическому обоснованию проекта «Цифровая образовательная среда», более 85 % от общего объема финансирования федерального проекта предусмотрено на оснащение общеобразовательных организаций и организаций СПО современным цифровым оборудованием, в то время как на создание и разработку качественного образовательного контента – цифровых учебно-методических комплексов – отводится всего около миллиарда рублей на трехлетний период до 2021 г. Этого недостаточно для покрытия современными цифровыми средствами и инструментами обучения базовых и профильных предметов школьной программы, особенно с учетом необходимости реализовать разноуровневый и индивидуализированный подход. Имеющийся опыт проектов в информатизации российской системы образования показывает, что только за счет оснащения инфраструктурой нельзя достичь качественных изменений.

Одна из целей национального проекта «Образования» – «Место России в мире по присутствию университетов в топ-500 глобальных рейтингов университетов» (в 2024 г. – 10-е место). Однако глобальная конкурентоспособность в высшем образовании не может быть достигнута только за счет небольшого числа вузов и развития узкого круга предметных и отраслевых областей исследований. Повышение качества системы в целом требует мер поддержки, которыми будут охвачены не только ведущие университеты, но и вузы, ориентированные на обеспечение кадровых и научно-исследовательских потребностей регионов и отраслей. В связи с этим предлагается обеспечить дополнительную финансовую поддержку реализации проектов развития таких университетов, в том числе с учетом повестки проекта по формированию опорных университетов в регионах, а также приоритетного проекта «Вузы как центры пространства создания инноваций».

Именно в образовании должны существовать социальные лифты, не позволяющие слабому росту и высокому неравенству трансформироваться в рост бедности. Их слабость может стать угрозой социальной стабильности и ограничить приток талантливых активных людей в экономику и культуру. В России ожидаемые во взрослом возрасте доходы и социальный статус ребенка в большей степени, чем во многих развитых странах, определяются доходами его родителей (в России этот показатель составляет более 30 %, в Финляндии и Норвегии – менее 20 %) [28]. Ситуация усугубляется ростом дифференциации школ с разным социальным составом учащихся по кадровому и ресурсному обеспечению.

Для преодоления социального неравенства и повышения уровня образовательной мобильности был введен Единый государственный экзамен (ЕГЭ). Однако, несмотря на колоссальный прорыв с точки зрения повышения доступности качественного высшего образования для молодежи из регионов (доля первокурсников в столичных вузах благодаря ЕГЭ выросла более чем в 2 раза), шансы поступления в селективный вуз, по данным «Мониторинга экономики образования» и «Мониторинга качества приема в вузы», по-прежнему определяются в основном социально-экономическим статусом семьи [8, 9, 10, 31].

Система образования в России не решает, а по факту закрепляет проблемы растущей социальной дифференциации и социального неравенства. В сфере образования не сглаживаются культурные и имущественные различия между учениками. В частности, результаты международных исследований показывают, что с 2003 г. не уменьшился разрыв в уровне практической грамотности и учебных достижений школьников в зависимости от типа поселения (чем больше поселение, тем выше грамотность), а также в зависимости от образования родителей. Рост платных услуг в дополнительном образовании сделал и этот сектор образования фактором, стимулирующим, а не снижающим социальную дифференциацию и неравенство [18, 19, 25].

Высокая доля академически неуспешных учащихся создает риски формирования социально исключенных, депривированных групп. Масштаб проблемы демонстрируют российские и международные исследования качества образования. Они показывают высокую долю выпускников, не обладающих необходимыми для жизни в современном обществе навыками, и имеющих поэтому низкие шансы на успешную образовательную и трудовую карьеру. В системе возникает острая потребность в механизмах «второго шанса», которые стимулировали бы неуспешных школьников и студентов получать минимально необходимое для успешной индивидуальной карьеры образование, несмотря на предыдущие неудачи.

В целом проблема существенного повышения эффективности социальных лифтов через образование является решаемой, что подтверждают, во-первых, значительно меньший (пока) в сравнении с рядом развитых стран уровень напряженности в российском обществе из-за недостаточной социальной мобильности; во-вторых, успешный опыт реализации институциональных механизмов типа ЕГЭ.

В национальный проект «Образование» включены такие проекты, как «Современная школа», «Успех каждого ребенка», «Поддержка семей, име-

ющих детей», «Новые возможности для каждого». Указанные проекты призваны ответить на общественный вызов, связанный с бедностью.

Для снижения в 2 раза уровня бедности в Российской Федерации образование может обеспечить:

– равные возможности с самых первых шагов жизни, а также стимулировать социальную и территориальную мобильность новых поколений, что позволит ослабить эффекты имущественного и территориального неравенства, дифференциации школ по качеству образования;

– освоение уже в школе (а взрослых – через дополнительное образование) современных функциональных навыков (коммуникационных, цифровых, правовых, финансовых), без этого нельзя разорвать кольцо воспроизводства непродуктивных рабочих мест и экономической неуспешности части граждан;

– доступ всех граждан независимо от возраста, места их проживания и конкретного учебного заведения, где они учатся, к образовательным программам и продуктам наиболее высокого качества. Достичь этого можно через цифровизацию, развитие национальной платформы онлайн-образования, распространение сетевых моделей обучения с участием ведущих университетов и передовых технологических компаний России.

Национальный проект «Культура» включает три федеральных проекта: «Культурная среда», «Творческие люди» и «Цифровая культура». Утверждение национального проекта «Культура» – беспрецедентное решение. Впервые культура возведена в ранг государственного приоритета уже не только на уровне декларируемых целей, а реально предпринимаемых действий. Главная цель федерального проекта «Культурная среда» – повышение интеллектуального и культурного уровня общества за счет доступности культурных благ. В каждом регионе России предполагается произвести работу по реновации учреждений культуры, созданию центров культурного развития в малых городах, оснащению детских школ искусств и училищ, распространению сети библиотек по всей стране и многое другое. Результатом проекта станет современная инфраструктура культуры по всей России, а не только в традиционных центрах. Реализация федерального проекта «Творческие люди» призвана вдохнуть в эту инфраструктуру жизнь, так как основной капитал культуры – таланты.

Таким образом, национальный проект «Человеческий капитал» нацелен на:

1) количественное увеличение человеческого потенциала посредством решения вопросов в области демографии и здравоохранения;

2) качественное улучшение человеческого капитала посредством образования и культуры.

Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) представил в начале 2019 г. данные исследования «Нацпроекты: что о них знают обычные россияне?». Хотя бы что-то о «национальных проектах» слышали 41 %, при этом только треть слышали что-то конкретное о нацпроектах. Характерно, что только треть россиян верят в справедливое устройство современного общества. Согласно исследованию ВЦИОМ «Справедливо ли наше общество?» за 2019 г., 66 % россиян считают, что современное российское общество устроено несправедливо. Почти половина (48 %) россиян

считают, что за последний год уровень социальной справедливости не изменился. В прошлом, 2018 г., этот показатель был больше на 6 % (54 %). С тем, что наше общество стало более социально справедливым, согласны 13 % наших сограждан, что на 3 % меньше, чем в 2018 г. Обратного мнения придерживаются треть россиян (33 %).

Данные вышеприведенных исследований показывают несостоятельность современной социальной политики государства. Реформирование социальной сферы привело по сути только к гонке за долей платных услуг в государственных учреждениях. Таким образом, государство просто переложило социальные расходы на плечи граждан. «В результате в отсутствии экономического роста ограничены возможности граждан в получении достойных доходов и соответственно снижена доступность качественных услуг» [15].

При этом социальная политика декларируется как главная в государстве, которое является по Конституции социальным. На деле социальное обеспечение носит чисто формальный характер. На протяжении 20 лет социальная политика не привела к снижению неравенства, которое закрепились на уровне высоких показателей начала 1990-х гг. Как долго еще удастся поддерживать иллюзию социальной справедливости в обществе посредством разговоров о сохранении и формировании человеческого капитала, покажет время.

Литература

1. Андреев А.Г., Гретченко А.И. Рынок труда и профессиональное образование (развитие кадрового потенциала общества на этапе реформирования национальной экономики России). Монография / РЭА им. Г.В. Плеханова. М., 1998. 136 с.
2. Аникин В.А. Человеческий капитал: становление концепций и основные трактовки // Экономическая социология. 2017. Т. 18. № 4. С. 124–134.
3. Волгин Н.А., Грищенко Н.Н. и др. Социальное государство: учебник. М., 2003. С. 163.
4. Государственная экономическая политика и экономическая доктрина России. К умной и нравственной экономике. М., 2008. С. 15.
5. Гретченко А.А., Бобровская К.А. Прогнозирование потребности цифровой экономики в квалифицированных кадрах // Наука и практика. 2017. № 4 (28). С. 133–137.
6. Гретченко А.А., Грищенко П.М. Современные проблемы и тенденции развития рынка труда в России // Наука и практика. 2018. Т. 30. № 2. С. 63–73.
7. Гретченко А.А., Манахов С.В. Формирование национальной инновационной системы: методология и механизмы. Монография. М.: РЭУ им. Г.В. Плеханова, 2012. 208 с.
8. Гретченко А.И. Автономизация вузов России и Болонский процесс // Высшее образование в России. 2006. № 6. С. 25–28.
9. Гретченко А.И. Болонский процесс: плюсы и минусы. Серия Мастер-класс. Монография. М.: Наука, 2005. 102 с.
10. Гретченко А.И., Гретченко А.А. Болонский процесс: интеграция России в европейское и мировое образовательное пространство. Монография. Научное издание. М.: КНОРУС, 2009. 432 с.
11. Гретченко А.И. Производительность труда: активизация человеческого фактора. Монография. М.: Экономика, 1988. 144 с.
12. Гретченко А.И., Серебрянников В.Л. Активизация человеческого фактора в повышении производительности труда // Вопросы философии. 1987. № 7. С. 3–17.

13. *Гринберг Р.С.* В поисках равновесия. М., 2016.
14. *Гринберг Р.С.* Свобода и справедливость. Российские соблазны ложного выбора. М., 2012.
15. *Данилова Е.Н.* Трансформации социальной политики и дискурса социальной справедливости в России // Мир России. 2018. Т. 27. № 2. С. 36–61.
16. Двадцать лет реформ глазами россиян: опыт многолетних социологических замеров. М., 2011. С. 64, 66.
17. *Заславская Т.И.* Человеческий потенциал в современном трансформационном процессе // Общественные науки и современность. 2005. № 3. С. 5.
18. *Наумов С.Н., Екатериновская М.А., Гретченко А.А.* К вопросу об оценке социальной эффективности государственных программ Российской Федерации // Наука и практика. 2018. Т. 10. № 4 (32). С. 47–56.
19. Национальные цели социального развития: вызовы и решения: докл. к XX Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 9–12 апр. 2019 г. / Т.В. Абанкина, Н.В. Акиндинова, С.С. Бирюкова и др.; отв. ред. Я.И. Кузьминов, Л.Н. Овчарова; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. С. 42.
20. Новая модель роста – новая социальная политика» / под ред. В.А. Мау, Я.И. Кузьминова. М., 2013.
21. *Платон.* Государство // Собрание сочинений. Т. 3. СПб.: Изд. Олега Абышко, 2007. С. 97–494.
22. Региональная экономика: учебник / кол. авторов; под ред. В.И. Гришина, Г.Ю. Гариной. М.: КНОРУС, 2018. 458 с.
23. Регулирование рынка труда: учебник / под ред. В.М. Масловой. М.: Изд. ЮНИТИ-ДАНА, 2019. 271 с.
24. *Смирнов С.Н., Сидорина Т.Ю.* Социальная политика. М., 2004. С. 36.
25. Социальное партнерство в сфере высшего профессионального образования России: институциональные и организационно-управленческие аспекты: монография / под общ. ред. В.И. Гришина. М.: ФГБОУ ВПО «РЭУ им. Г.В. Плеханова», 2013. 242 с.
26. Труд и социальное развитие: словарь. М., 2001. С. 217.
27. Трудовой потенциал модернизации: прогнозирование потребностей инновационной экономики в квалифицированных кадрах (региональный и национальный аспекты): монография / кол. авторов; под ред. В.М. Смирнова. М.: РУСАЙНС, 2017. 270 с.
28. *Jerrim J., Macmillan L.* Income inequality, intergenerational mobility, and the great gatsby curve: Is education the key? // Social Forces. 2015. Vol. 94. No. 2. P. 505–533.
29. The Global Human Capital Report. 2017.
30. Конституция Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.constitution.ru> (дата обращения: 30.12.2019).
31. Мониторинг экономики образования. URL: <https://memo.hse.ru/> (дата обращения: 10.02.2020). Мониторинг качества приема в вузы. [Электронный ресурс]. URL: <https://ege.hse.ru/> (дата обращения: 10.02.2020).
32. Послание Президента РФ Федеральному собранию от 01.12.2016. [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_207978/ (дата обращения: 10.02.2020).
33. Федеральная служба государственной статистики. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gks.ru/> (дата обращения: 10.02.2020).

Bibliography

1. *Andreev A.G., Gretchenko A.I.* Rynok truda i professional'noe obrazovanie (razvitie kadrovogo potenciala obshhestva na jetape reformirovanija nacional'noj jekonomiki Rossii). Monografija / RJeA im. G.V. Plehanova. M., 1998. 136 p.

2. *Anikin V.A.* Chelovecheskij kapital: stanovlenie koncepcij i osnovnye traktovki // *Jekonomicheskaja sociologija*. 2017. T. 18. № 4. P. 124–134.
3. *Volgin N.A., Gricenko N.N. i dr.* Social'noe gosudarstvo: uchebnik. M., 2003. P. 163.
4. Gosudarstvennaja jekonomicheskaja politika i jekonomicheskaja doktrina Rossii. K umnoj i npravstvennoj jekonomike. M., 2008. P. 15.
5. *Gretchenko A.A., Bobrovskaja K.A.* Prognozirovanie potrebnosti cifrovoj jekonomiki v kvalificirovannyh kadrah // *Nauka i praktika*. 2017. № 4 (28). P. 133–137.
6. *Gretchenko A.A., Grishhenko P.M.* Sovremennye problemy i tendencii razvitija rynka truda v Rossii // *Nauka i praktika*. 2018. T. 30. № 2. P. 63–73
7. *Gretchenko A.A., Manahov S.V.* Formirovanie nacional'noj innovacionnoj sistemy: metodologija i mehanizmy. Monografija. M.: RJeU im. G.V. Plehanova, 2012. 208 p.
8. *Gretchenko A.I.* Avtonomizacija vuzov Rossii i Bolonskij process // *Vysshee obrazovanie v Rossii*. 2006. № 6. P. 25–28.
9. *Gretchenko A.I.* Bolonskij process: pljusy i minusy. Serija Master-klass. Monografija. M.: Nauka, 2005. 102 p.
10. *Gretchenko A.I., Gretchenko A.A.* Bolonskij process: integracija Rossii v evropejskoe i mirovoe obrazovatel'noe prostranstvo. Monografija. Nauchnoe izdanie. M.: KNORUS, 2009. 432 p.
11. *Gretchenko A.I.* Proizvoditel'nost' truda: aktivizacija chelovecheskogo faktora. Monografija. M.: Jekonomika, 1988. 144 p.
12. *Gretchenko A.I., Serebrjannikov V.L.* Aktivizacija chelovecheskogo faktora v povyshenii proizvoditel'nosti truda // *Voprosy filosofii*. 1987. № 7. P. 3–17.
13. *Grinberg R.S.* V poiskah ravnovesija. M., 2016.
14. *Grinberg R.S.* Svoboda i spravedlivost'. Rossijskie soblazny lozhnogo vybora. M., 2012.
15. *Danilova E.N.* Transformacii social'noj politiki i diskursa social'noj spravedlivosti v Rossii // *Mir Rossii*. 2018. T. 27. № 2. P. 36–61.
16. Dvadcat' let reform glazami rossijan: opyt mnogoletnih sociologicheskikh zamerov. M., 2011. P. 64, 66.
17. *Zaslavskaja T.I.* Chelovecheskij potencial v sovremennom transformacionnom processe // *Obshhestvennye nauki i sovremennost'*. 2005. № 3. P. 5.
18. *Naumov S.N., Ekaterinovskaja M.A., Gretchenko A.A.* K voprosu ob ocenke social'noj jeffektivnosti gosudarstvennyh programm Rossijskoj Federacii // *Nauka i praktika*. 2018. T. 10. № 4 (32). P. 47–56.
19. Nacional'nye celi social'nogo razvitija: vyzovy i reshenija: dokl. k XX Apr. mezhdunar. nauch. konf. po problemam razvitija jekonomiki i obshhestva, Moskva, 9–12 apr. 2019 g. / T.V. Abankina, N.V. Akindinova, S.S. Birjukova i dr.; otv. red. Ja.I. Kuz'minov, L.N. Ovcharova; Nac. issled. un-t «Vysshaja shkola jekonomiki». M.: Izd. dom Vysshej shkoly jekonomiki, 2019. P. 42.
20. Novaja model' rosta – novaja social'naja politika» / pod red. V.A. Mau, Ja.I. Kuz'minova. M., 2013.
21. *Platon.* Gosudarstvo // *Sobranie sochinenij*. T. 3. SPb.: Izd. Olega Abyshko, 2007. P. 97–494.
22. Regional'naja jekonomika: uchebnik / kol. avtorov; pod red. V.I. Grishina, G.Ju. Gararinoj. M.: KNORUS, 2018. 458 p.
23. Regulirovanie rynka truda: uchebnik / pod red. V.M. Maslovoj. M.: Izd. JuNITI-DANA, 2019. 271 p.
24. *Smirnov S.N., Sidorina T.Ju.* Social'naja politika. M., 2004. P. 36.
25. Social'noe partnerstvo v sfere vysshego professional'nogo obrazovanija Rossii: institucional'nye i organizacionno-upravlencheskie aspekty: monografija / pod obshh. red. T.I. Grishina. M.: FGBOU VPO «RJeU im. G.V. Plehanova», 2013. 242 p.
26. Trud i social'noe razvitie: slovar'. M., 2001. P. 217.
27. Trudovoj potencial modernizacii: prognozirovanie potrebnostej innovacionnoj jekonomiki v kvalificirovannyh kadrah (regional'nyj i nacional'nyj aspekty): monografija / kol. avtorov; pod red. V.M. Smirnova. M.: RUSAJNS, 2017. 270 p.

28. *Jerrim J., Macmillan L.* Income inequality, intergenerational mobility, and the great gatsby curve: Is education the key? // *Social Forces*. 2015. Vol. 94. No. 2. P. 505–533.
29. *The Global Human Capital Report*. 2017.
30. Конституция Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.constitution.ru> (дата обращения: 30.12.2019).
31. Мониторинг экономики образования. URL: <https://memo.hse.ru/> (дата обращения: 10.02.2020). Мониторинг качества приема в вузы. [Электронный ресурс]. URL: <https://ege.hse.ru/> (дата обращения: 10.02.2020).
32. Послание Президента РФ Федеральному собранию от 01.12.2016. [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_207978/ (дата обращения: 10.02.2020).
33. Федеральная служба государственной статистики. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gks.ru/> (дата обращения: 10.02.2020).